

Опарин М. В.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И ЭТНОЛИНГВИСТИКА КАК СМЕЖНЫЕ НАУКИ О ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ В РОССИЙСКОМ И ГЕРМАНСКОМ НАУЧНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/48.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. I. С. 112-115. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

I divide the story of Perseus the Golden Destroyer first into 2 "cycles" (e.g., I: The official myth; II: My projected fiction about his later adventures: his midlife crisis and its resolution); and I further divide each of those cycles into, say, 7 parts or stages, of which the 6th in each case is the climax; and each of those climactic 6th stages is divided into 7 parts [Barth, 1979, p. 648].

Я разделяю историю Персея на два «цикла» (например, I: Официальный миф; II: Мой рассказ-продолжение о его последующих приключениях: его кризис среднего возраста и преодоление последнего); затем я разделяю каждый из этих циклов, скажем, на 7 частей или стадий, причем 6-я из них неизменно будет кульминацией и в свою очередь будет состоять из 7 частей.

При этом в тексте вновь фигурирует схема из «Тысячеликого героя», которая, по мнению А. Менша, применима не только к мифологическим сюжетам, но может актуализироваться и в реальной повседневно-сти. Следуя «совету» А. Менша, Дж. Барт в романе «Once upon a time: a floating opera» анализирует собственную биографию сквозь призму кэмпбелловской теории, вновь воспроизводя упомянутую выше схему. Самоподобная реализация интермедийных отношений в данном случае демонстрирует множественность вариантов «прочтения» одной и той же диаграммы, «накручивающей» все новые витки «спирали интерпретации» в рамках творчества отдельного писателя.

Как показывает материал, использование интермедийных средств, обеспечивающих смысловое взаимодействие художественного и изобразительного дискурсов, приводит к созданию объемного и многогранного образа, самоподобная реализация которого включает в действие механизм самоорганизации интердискурса в рамках семиосферы.

Список использованной литературы

1. Геллер Л. Воскрешение понятия, или Слово об экфрасисе // Экфрасис в русской литературе: труды Лозанского симпозиума / под ред. Л. Геллера. М.: МИК, 2002.
2. Лотман Ю. М. Семиосфера. С.-Петербург: Искусство-СПб, 2000. 704 с.
3. Постмодернизм: энциклопедия / сост. и науч. ред. А. А. Грицанов, М. А. Можейко; отв. ред. А. И. Мерцалова. М.: Интерпрессервис; Книжный дом, 2001. 1040 с.
4. Сидорова А. Г. Интермедийная поэтика современной отечественной прозы (литература, живопись, музыка): дис. ... канд. филол. наук: 10.01.01. Барнаул, 2006. 218 с.
5. Ханзен-Лёве А. Русский символизм. Система поэтических мотивов. Мофи-поэтический символизм начала века / пер. с нем. М. Ю. Некрасова. СПб.: Академический проект, 2003. 813 с.
6. Barth J. Chimera. N.Y.: Fawcett Crest Book, 1973. 320 p.
7. Barth J. Letters. N.Y.: The Hearst Corporation, 1979. 563 p.
8. Barth J. Once Upon a Time: A Floating Opera. Boston-N.Y.: Little, Brown and Company, 1994. 398 p.

ЛИНГВОКУЛЬТУРОЛОГИЯ И ЭТНОЛИНГВИСТИКА КАК СМЕЖНЫЕ НАУКИ О ЯЗЫКЕ И КУЛЬТУРЕ В РОССИЙСКОМ И ГЕРМАНСКОМ НАУЧНЫХ ПРОСТРАНСТВАХ

Опарин М. В.

Удмуртский государственный университет, г. Ижевск

Антропоцентрическая парадигма, пришедшая на смену лингвистической во второй половине XX века, обусловила интерес к проблемам взаимоотношения языка и культуры. Мысль о роли языка как неотъемлемой составной части культуры озвучивалась учеными и исследователями в течение последних двух столетий, начиная от В. Гумбольдта, заканчивая современными антропологами, культурологами и этнологами.

Одной из наиболее молодых наук, исследующей взаимоотношение языка и культуры является лингвокультурология. Оформившееся в 90-е годы XX века в самостоятельное направление лингвистики, она активно разрабатывается многими известными российскими исследователями (В. А. Маслова, В. И. Карасик, С. Г. Воркачëв, В. В. Колесов, В. В. Воробьëв). Лингвокультурология появилась и развивается в рамках идеи о характере языка, детерминирующем картину мира. Данная идея, закрепившись в теории Сепира-Уорфа, является сегодня одной из самых популярных лингвистических теорий в мире. В. А. Маслова определяет лингвокультурологию как науку, возникшую на стыке лингвистики и культурологии, имеющую своим предметом язык и культуру, находящиеся в диалоге, взаимодействии и изучающую язык как феномен культуры. По мнению В. А. Масловой, посредством лингвокультурологии мы видим мир сквозь призму национального языка, когда язык выступает как выразитель особой национальной ментальности [Маслова, 2004, с. 8, 28]. В. И. Карасик также указывает на комплексный характер лингвокультурологии как области научного знания о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры [Карасик, 2002, с. 103]. А. Т. Хроленко считает, что целью лингвокультурологии является обобщение всей информации, накопленной этнолингвистикой и входящими в неё дисциплинами, а также выявление механизмов взаимодействия языка и культуры. Лингвокультурология - это философия языка и культуры [Хроленко, 2006, с. 30]. К непосредственным задачам лингвокультурологии С. Г. Воркачëв относит описание взаимоотношений языка и культуры, языка и этноса, языка и менталитета народа. Лингвокультурология в его понимании является линзой, через которую исследователь может увидеть материальную и духовную самобытность этноса, тот самый Volksgeist В. фон Гумбольдта [Воркачëв, 2001, с. 64]. По мнению Е. О. Опариной, лингвокультурология является гуманитарной дисциплиной, изучающей воплощенную в живой национальный язык и проявляющуюся в языковых процес-

сах материальную и духовную культуру. Цель данной науки заключается в изучении способов, которыми язык воплощает в своих единицах и транслирует культуру [Опарина, с. 8]. Лингвокультурология изучает взаимосвязь и взаимодействие культуры и языка в его функционировании и отражает этот процесс как целостную структуру единиц в единстве их языкового и внеязыкового (культурного) содержания при помощи системных методов и с ориентацией на современные приоритеты и культурные установления [Цит. по: Зубкова, 2003, с. 10].

Таким образом, лингвокультурология представляет собой науку, обладающую ярко выраженным междисциплинарным характером, в которой язык и культура тесно взаимосвязаны, а исследователь получает доступ, как к языку, так и к культуре.

Взаимоотношение двух столь глобальных понятий как язык и культура нашло отражение в целом ряде наук, а именно в этнолингвистике, когнитивной лингвистике, этнопсихоллингвистике, лингвистической антропологии, антропологической лингвистике, социоллингвистике, металингвистике, макролингвистике, этносемантике, этнографии коммуникации, этнометодологии [Karstedt, 2004, S. 11]. Подобное разнообразие объясняется тем, что язык и культура являются крайне объёмными понятиями, включающими в себя множество различных аспектов. В дополнении ко всему смещение центра тяжести с языка на культуру и наоборот расширяет перспективы исследовательского поля.

Каково же место лингвокультурологии среди наук о языке и культуре? Многие российские ученые указывают на родство лингвокультурологии с этнолингвистикой и социоллингвистикой. Так у Н. И. Толстого мы находим: «Этнолингвистика и социоллингвистика могут расцениваться как два основных компонента (раздела) одной более общей дисциплины, с той лишь разницей, что первая учитывает, прежде всего, специфические - национальные, народные, племенные - особенности этноса, в то время как вторая - особенности социальной структуры конкретного этноса (социума) и этноса (социума) вообще, как правило, на более поздней стадии его развития применительно к языковым процессам, явлениям и структурам». Более общей дисциплиной, по-видимому, и является лингвокультурология [Цит. по: Карасик, 2002, с. 104]. В. А. Маслова указывает на существенные различия между тремя вышеупомянутыми дисциплинами, подчёркивая, что лингвокультурология имеет глобальный характер, исследуя как исторические, так и современные языковые факты, в то время как этнолингвистика исторические, а социоллингвистика только современные языковые факты. Если этнолингвистика оперирует преимущественно исторически значимыми данными и стремится в современном материале обнаружить исторические факты того или иного этноса, а социоллингвистика рассматривает исключительно материал сегодняшнего дня, то лингвокультурология исследует и исторические, и современные языковые факты сквозь призму духовной культуры [Маслова, 2004, с. 11].

Иного мнения придерживается В. Н. Телия, считающий лингвокультурологию разделом этнолингвистики, изучающим только синхронные взаимодействия языка и культуры [Цит. по: Маслова, 2004, с. 11].

А. Т. Хроленко также как и В. Н. Телия подчеркивает общие методологические установки лингвокультурологического анализа и этнолингвистики, указывая при этом на первичность этнолингвистики. Этнолингвистика и лингвокультурология, по мнению А. Т. Хроленко, соотносятся также как частное и общее языкознание. В то время как этнолингвистика, по его мнению, может быть русской, немецкой, английской, то лингвокультурология национальная быть не может. Она наднациональна [Хроленко, 2006, с. 31].

К зарубежным наукам, имеющим сходный с лингвокультурологией объект и предмет исследования можно отнести *этнолингвистику*. Термин *этнолингвистика* впервые упоминается в США уже в 40-х годах прошлого столетия. В немецких источниках термин «Ethnolinguistik» используется впервые в 1964 году в одном из газетных заголовков. Как показывают исследования немецких ученых [Karstedt, 2004, S. 248], во многом этнолингвистика схожа с лингвистической антропологией и антропологической лингвистикой. Следующее определение антропологической лингвистики можно найти у австралийского ученого В. Фоли: «Anthropological linguistics is that sub-field of linguistics which is concerned with the place of language in its wider social and cultural context, its role in forging and sustaining cultural practices and social structures. (...) [It] views language through the prism of the core anthropological concept, culture, and, as such, seeks to uncover the meaning behind the use, misuse or non-use of language, its different forms, registers and styles. It is an interpretive discipline peeling away at language to find cultural understandings» [Цит. по: Karstedt, 2004, S. 222].

В. Фоли указывает на то, что антропологическая лингвистика является частью лингвистики, затрагивающей место языка в его широком социальном и культурном контексте и обращающейся к языку с целью выявления культурных особенностей.

Много схожих черт в интерпретации науки о языке и культуре мы обнаруживаем у А. Дуранти, который относит лингвистическую антропологию к разделу культурной антропологии, которая исследует язык не просто как способ мышления, но также и культуру и способы их взаимодействия, и где язык является „not only as a mode of thinking but above all, as a cultural practice, that is, as a form of action that both presupposes and at the same time brings about ways of being in the world” [Цит. по: Holzer, 2005, S. 15].

Изучая труды по этнолингвистике, необходимо указать на цель данной науки, которая для немецкого учёного Т. Бартеля (Barthel, Thomas) заключается в получении знаний о культуре через анализ языкового материала [Цит. по: Karstedt, 2004, S. 224].

Ещё целый ряд немецких ученых использует данное понятие в своих работах. Урсула Шлентер (Schlenter, Ursula) понимает под этнолингвистикой не определённую научную дисциплину, а набор феноменов, возникающих в результате *языкового контакта* (*Sprachkontakt*), под которым понимается взаимо-

влияние различных языков, возникающее в результате взаимодействия их носителей [Цит. по: Karstedt, 2004, S. 226].

А. Хетцер (Hetzner, Armin) использует в определении этнолингвистики понятие *картины мира* (*Weltbild*) и относит, таким образом, этнолингвистику к наукам, которые изучают взаимоотношение языка и картины мира [Цит. по: Karstedt, 2004, S. 229].

Под этнолингвистикой разными авторами также понимаются анализ языков культур, не имеющих письменности [Цит. по: Karstedt, 2004, S. 229], дисциплина, изучающая знания человека о языке [Цит. по: Karstedt, 2004, S. 230], наука, изучающая языки национальных меньшинств [Цит. по: Karstedt, 2004, S. 231] и т.д.

Налицо отсутствие терминологического единства, не позволяющее на первый взгляд четко определить границы этнолингвистики в немецком научном пространстве. Необходимо отметить, что за последние 10-15 лет в Германии появились работы, в которых понятие этнолингвистика приобретает более ясную форму и рассматривается уже как дисциплина, в которой язык и речь выступают средством или предметом этнологических исследований. К авторам данных работ относятся такие исследователи, как Н. Fischer, V. Heeschen, B. Illius, M. Gaenszle, L. von Karstedt. L. von Karstedt под этнолингвистикой понимает науку о языке и речи с учётом культурной специфики и этнологическим пониманием культуры [Karstedt, 2004, S. 248].

Таким образом, анализ этнолингвистических трудов западных ученых позволяет сделать вывод, что, несмотря на обширное толкование этнолингвистики как науки, всё же прослеживается общее для всех определений ядро, а именно её принадлежность скорее к лингвистике, то есть к изучению языка и речи как к основной составляющей культуры.

Особенностью работ немецких этнолингвистов как середины XX века, так и более позднего периода является то, что зачастую объектами исследования становятся языки и культуры мало изученных экзотических народностей, такие, например, как, народы западной части Новой Гвинеи, восточного Непала, восточной части Перу и т.д.

Вектор этнолингвистических исследований в сторону малых культур можно объяснить более высоким уровнем развития, многочисленностью и обусловленным гетерогенным характером культур, находящихся на более высоких стадиях цивилизационного развития. Для их исследования имеется целый комплекс наук, имеющих много общего с этнолингвистикой, например, социоллингвистика, предметом которой является язык различных социальных групп.

Необходимо отметить, что в Германии после окончания Второй мировой войны наметился серьёзный спад исследований о связи языка и культуры, которые как показывает история, во многом «обслуживали» теорию расового превосходства. Тем более логичным в настоящее время представляется крайне осторожное отношение немецких исследователей к данной тематике, особенно во время глобализационных процессов и всё растущей роли диалога культур. К сожалению, многие исследования этнолингвистического характера, не подкреплённые достаточной эмпирической базой и игнорирующие результаты исследований смежных наук, использовались в качестве громких лозунгов, вписываясь в модные особенно во времена III Рейха политические и социальные теории. Более популярным в настоящее время в Германии являются межкультурные исследования, в которых рассматриваются определённые поведенческие модели, а язык и речь занимают свою относительно небольшую нишу.

Сопоставляя российскую лингвокультурологию и этнолингвистику в западном понимании, мы имеем дело, как с общими чертами, так и с различиями между данными дисциплинами. Целью западной этнолингвистики является изучение языка и речи в культурном контексте, она является частью лингвистики (см. выше), которая определяет место лингвистики в культуре, в то время как цели и задачи лингвокультурологии сосредоточены на изучении взаимоотношений языка и культуры, то есть находятся между двумя данными понятиями и имеют ярко выраженный междисциплинарный характер. Анализ ряда смежных с лингвокультурологией и западной этнолингвистикой дисциплин позволяет сделать вывод о том, что аналогом лингвокультурологии выступают несколько устоявшихся в немецком языковом пространстве наук. К ним относятся уже рассмотренная этнолингвистика и теория межкультурной коммуникации. Отсутствие идентичной российской лингвокультурологии науки на Западе и в частности в Германии можно объяснить, по нашему мнению, рядом причин. Одной из таких причин может быть разработанность прикладных наук о культуре и языке в Германии. Та же межкультурная коммуникация, призванная облегчить взаимодействие представителей различных культур, находит широкое применение в торгово-экономической, образовательной, медицинской, туристической, судебно-правовой и других сферах, что в свою очередь обусловлено большим спросом в обществе на данные виды исследований в Германии. Небольшое количество междисциплинарных «расовых» исследований в современной ФРГ можно объяснить особой осторожностью и скепсисом в Германии по отношению к исследованиям, которые так схожи с тематикой популярных до II Мировой войны исследований «примитивных» языков и народов, к которым в частности и относится слабо разработанная на сегодняшний день немецкая этнолингвистика. Падение «железного занавеса» вызвало в России повышенный интерес к западным культурам в условиях глобализации, дав толчок развитию такой науки, как лингвокультурология, в то время как на Западе быстро развивалась и продолжает развиваться межкультурная коммуникация, удовлетворяющая потребности стремительно глобализирующегося мира.

1. Воркачѳв С. Г. Лингвокультурология, языковая личность, концепт: становление антропоцентрической парадигмы в языкознании // Филологические науки. 2001. № 1.
2. Зубкова Я. В. Концепт «пунктуальность» в немецкой и русской лингвокультурах: диссертация канд. фил. наук: 10.02.20. М.: РГБ, 2003.
3. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
4. Маслова В. А. Лингвокультурология. М.: Изд. центр «Академия», 2004. 208 с.
5. Хроленко А. Т. Основы лингвокультуры. М.: Флинта; Наука, 2006. 184 с.
6. Holzer Jacqueline. Linguistische Anthropologie. Eine Rekonstruktion Transcript Verlag. Bielefeld, 2005. 305 S.
7. Karstedt (von) Lars. Sprache und Kultur. Eine Geschichte der deutschsprachigen Ethnolinguistik: Dissertation zur Erlangung der Doktorwürde des Doktors der Philosophie. Hamburg, 2004. 294 S.
8. http://www.classes.ru/grammar/140.Oparina/source/worddocuments/_3.htm

РЕАЛИЗАЦИЯ КОНЦЕПТА «ДОМ» В ПОВЕСТИ О. УАЙЛЬДА «КЕНТЕРВИЛЬСКОЕ ПРИВИДЕНИЕ»

Подкопаева А. А.

Кубанский государственный университет

В тексте повести отмечено частотное использование единиц «Home» 9, «House» 25 раз, то есть изучение концепта «Дом» является актуальным в современной науке.

Оскар Фингал О'Флаэрти Уилс (Oscar Fingal O'Flahertie Wills Wilde, 1854-1900) - ирландский поэт, драматург, писатель, эссеист, масон. Один из самых известных драматургов позднего Викторианского периода, яркая знаменитость того времени. Наиболее известен своими пьесами, полными парадоксов, крылатыми словами и афоризмами, а также романом «Портрет Дориана Грея» (1891).

«Кентервильское привидение» (1887) - это один из его наиболее известных пародийных рассказов, который неоднократно экранизировали, а также ставили на сцене. История о трагической судьбе привидения по имени сэр Саймон Кентервиль и об американском после мистере Хайрэме Б. Отисе. Мистер Отис переезжает в Англию вместе со своей семьей в «haunted house» (пер.: дом с привидением). Лорд Кентервиль, прежний владелец замка, считает своим долгом предупредить американца о том, что в доме живет дух сэра Саймона Кентервиля с того самого времени, как тот убил свою жену Элеонору, вот уже много веков назад. Но мистер Отис не обращает внимания на предостережения лорда Кентервиля, считая историю не более чем выдумкой. Как только Отисы убеждаются в том, что в доме действительно живет привидение, они просто игнорируют его, а порой дело доходит до откровенных насмешек над ним. Тем самым американцы выражают полное неуважение к старым английским традициям, следуя которым, дом-замок не может быть без привидений. В данном произведении иронизируется американский материализм на фоне классической, готической истории-ужаса.

Ниже пример разговора Лорда Кентервиля с американцем Хайрэмом Б. Отисом, где лорд предупреждает, о том, что дом с привидением, и с удивлением слышит несколько ироничный ответ мистера Отиса. В первом примере лексема house используется в значении «дом - здание, постройка, состоящая из нескольких комнат, занимаемое одной семьей». Привидение приравнивается к мебели, и американец готов за него заплатить. Во втором примере используется фразеологизм **at home** в значении лексемы home - «родина, страна рождения» для посла, то есть США.

«You are certainly very natural in America," answered Lord Canterville, who did not quite understand Mr. Otis's last observation, "and if you don't mind a ghost in the house, it is all right. Only you must remember I warned you».

Пер.: «Вы, американцы, еще так близки к природе! - отозвался лорд Кентервиль, видимо, не совсем уразумев последнее замечание мистера Отиса. - **Что ж, если вас устроит дом с привидением, то все в порядке. Только не забудьте, я вас предупредил».**

Сравним также:

«My Lord," answered the Minister, "I will take the furniture and the ghost at a valuation. I have come from a modern country, where we have everything that money can buy; and with all our spry young fellows painting the Old World red, and carrying off your best actors and prima-donnas, I reckon that if there were such a thing as a ghost in Europe, we'd have it at home in a very short time in one of our public museums, or on the road as a show».

Пер.: «Что ж, милорд, - ответил посол, - **пусть привидение идет вместе с мебелью. Я приехал из передовой страны, где есть все, что можно купить за деньги. К тому же молодежь у нас бойкая, способная перевернуть весь ваш Старый Свет. Наши молодые люди увозят от вас лучших актрис и оперных примадонн. Так что, заведись в Европе хоть одно привидение, оно мигом очутилось бы у нас в каком-нибудь музее или в развездном паноптикуме».**

Основной темой произведения является противопоставление двух культур - американской и английской, где американская представлена семьей Отис, а английская создана пространством старинного замка, вместе с привидением сэра Саймона. Ниже приведем описание разговора обычной «образованной американской семьи», где Отисы в том числе сравнивают американские привычки принимать пищу с привычками лучших английских домов (**the best English houses**). В данном случае лексема house выступает в первом базовом